

ЕЛЕНА ГРАНЕВА

ГОРЬКИЙ
ВКУС
СОЛИ
Выбор

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г77

Оформление серии *Янины Клыга*

Гранева, Елена.

Г77 Горький вкус соли. Выбор : роман / Елена Гранева. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-04-231841-2

Витя приезжает в Находку, чтобы исполнить свою мечту — стать штурманом. Но медкомиссия навсегда закрывает ему дорогу к морю. Он в отчаянии.

Нина уезжает учиться в Вологду, но вернувшись на лето домой, на станцию Лесоповальная, она узнает о страшных вещах, которые творит отчим с ее младшими братом и сестрой, что её младших брата и сестру годами мучает отчим — участковый Волков.

Нина и Витя встречаются, когда жизнь ставит перед ними трудный выбор: вмешаться в чужую судьбу или оставить людям право на собственный путь — даже если он ведёт к гибели. Герои ставят на карту всё и мчатся через полстраны — от берегов Тихого океана к глухим лесам Вологодской земли. Кажется, что опасность позади...

Но иногда прошлое настигает тогда, когда спасение уже почти рядом.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-231841-2

© Гранева Е., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Посвящается

*всем детям на земле... даже тем,
которые уже стали взрослыми,*

*послевоенному поколению СССР,
которое вырастило нас
и подняло страну,
так и оставшись скромными
и невоспетыми героями эпохи,*

и в отдельности — моим родителям

НАХОДКА
1964 год, июль

1

— Станция Находка, — объявил женский голос. Витя встрепенулся, посмотрел в окно. «Поезд-подкидыш», как его назвали в билетной кассе во Владивостоке, приближался к островку яркого электрического света в окружавшей темноте. Из здания вокзала выходили люди, видимо, встречающие, а к остановке рядом со станцией подъехал автобус и выпустил пассажиров, которые слетались к перрону как мотыльки на свет.

Витя засунул руку в котомку и нащупал сухарь. Он провел рукой по оставшимся запасам.

«На день, максимум — на два растянуть можно. Еще пастила в кармане. Два дня точно проживу. Плюс денег хватит на три дня, если вместе с сигаретами. Если за пять дней не поставят на довольствие, надо будет искать подработку. Если станция есть — значит, нужны грузчики. Запомню дорогу».

Он затянул веревку на мешке и закинул его на плечо. Долгая дорога заметно облегчила его багаж,

в нем уже не оставалось ни вареной курицы, ни огурцов и помидоров, собранных в дорогу.

«Надо было, конечно, курицу помедленнее есть. А как ее растянуть-то? Хотя все равно бы пропала: столько часов в дороге по жаре».

Витя вышел из вагона.

На улице было свежо. Слабый ветерок разносил незнакомый сладко-соленый привкус воздуха. Птицы горланили над вокзалом, Витя задрал голову, но в темноте не смог их разглядеть.

«Наверное, большие, как вороны, или даже как курганники».

Кто-то толкнул его, недовольно проворчал:

— Встал тут как вкопанный. Ни пройти ни проехать.

Только тут Витя заметил, что народ торопился к автобусу, который уже почти заполнился. Разбираться не было времени, и он побежал вместе со всеми. С трудом втиснувшись в заднюю дверь автобуса, к тому времени уже битком набитого людьми, он только успел схватиться за поручень, как двери захлопнулись и они тронулись.

Витя, стоя на нижней ступеньке, отдышался и спросил стоящую впереди него спину:

— Скажите, а на какой станции выходить в Дальневосточное мореходное училище?

— Мореходка? — Кучерявый молодой мужчина с папиросой за ухом повернулся к нему. — Так надо было пешком, она прямо вдоль береговой линии, несколько корпусов. На первой остановке тебе, парень.

— Спасибо, — ответил Витя.

— Сам-то откуда?

— Из Талды-Кургана, Казахстан.

— Ишь, тебя занесло!

Автобус затормозил, двери открылись, и Витя выскочил наружу.

— Ну, бывай! — крикнул мужчина ему вслед.

— Ничего себе, большой город... — протянул Витя, оказавшись один на остановке, и огляделся по сторонам.

Справа, за дорогой, сверкали огни города, а слева...

Там тоже были огни, но за ними... Витя сначала даже не понял, что это. Черная и тягучая молчаливая вода медленно колебалась, словно дышала, изредка переливаясь серебристыми отблесками, словно от чешуи невиданной чудо-рыбы. Он не мог оторвать взгляда, живая лава притягивала его, будто пытаясь поглотить.

— Море... — сипло произнес он, голос показался чужим.

— Эй, парень! — кто-то окликнул его. — На карауле, что ли?

Витя очнулся от оцепенения и обернулся на зов.

Из темноты вышел морской офицер в мичманке с золотистой кокардой, в синем кителе. Витя обратил внимание на погоны: звездочка и три полоски — капитан третьего ранга.

— Из мореходки? Что-то я не видел тебя, — продолжал офицер.

— Да нет, я только поступать приехал, экзамены сдавать.

— Абитуриент, значит. Пойдем со мной, провожу до КПП¹.

Они пошли вниз, к морю, по тротуару, освещенному с обеих сторон фонарями. Белые горластые птицы с желтыми клювами кричали здесь даже громче, чем на вокзале.

— Здоровые, — заметил Витя. — Почти как курганники. Они всегда так орут?

— Чайки, что ли? Ничего, привыкнешь, даже перестанешь слышать.

Они дошли до проходной — маленького одноэтажного кирпичного здания рядом с большими металлическими воротами. Офицер уверенно открыл дверь, Витя последовал за ним. В небольшом помещении с голубыми стенами за громоздким канцелярским столом сидели офицер и курсант. Оба в мичманках, офицер — в синем кителе, а курсант — в синей рубашке с гюйсом, из-под которого выглядывала тельняшка. На груди у него красовался комсомольский значок, на рукавах — нашивки училища. Увидев входящего капитана, оба тут же встали, вытянулись по стойке «смирно» и отдали честь. Их движения были настолько отточены, казалось, что это были машины, а не люди; оба блистали одинаково завидной выправкой.

Офицер выпалил:

— Товарищ капитан третьего ранга! Дежурный по училищу, капитан-лейтенант Овчинников.

— Вольно. Вот абитуриента к вам привел, оформите как положено.

¹ КПП — контрольно-пропускной пункт.

— Есть!

— Выполняйте.

Капитан третьего ранга повернулся к Вите:

— Как зовут?

— Виктор Тарасов! — отчеканил Витя и невольно вытянулся в струнку.

— Увидимся, значит, Виктор Тарасов. — И капитан вышел из каморки.

Младший офицер, капитан-лейтенант, дождавшись, когда закроется дверь, обратился к Вите:

— Документы, пожалуйста.

Витя протянул вызов в училище, пропуск в город Артем, присланные ему по почте, и свой паспорт. Офицер внимательно их проверил и передал курсанту. Тот сел и начал что-то записывать в большой журнал.

— Значит, Виктор Тарасов, из Талды-Кургана к нам приехал?

— Да, товарищ капитан-лейтенант! — Витя, переполненный восторгом и одновременно уважением к офицерам, курсанту, форме, к тому, что он наконец-то здесь, машинально отдал честь.

Офицер ухмыльнулся:

— Вольно. К пустой голове руку не прикладывают. Значит, моряком хочешь стать?

— Хочу!

— Какое отделение?

— На штурмана, товарищ капитан-лейтенант!

— Хорошо. — Офицер вернул документы Вите. — Следуйте за курсантом Ермаковым, он вас проводит в жилые казармы.

Курсант и Витя прошли из контрольно-пропускного пункта на внутреннюю территорию училища, огороженную забором. Освещенные дорожки вели к трем каменным зданиям.

— Геннадий. — Курсант протянул руку. — Можно Гена.

— Витя.

— Знаю я, я ж тебя в журнал записывал. — Гена издал смешок.

— А, ну да.

— Как там сейчас, в Казахстане?

— Жарко.

— Я тоже оттуда, только с севера, из Кустаная.

— Слышал, водители рассказывали, целинники, — ответил Витя.

— Да, у нас там передовой край по зерну.

Тени ребят то удлинялись, то исчезали совсем.

— Как тут у вас?

— Хорошо.

— А кормят как?

— С голоду не пухнем, но и не жируем. Почти всегда голодные.

— А стипендия?

— Да что там стипуха... Шесть рублей — только на курево хватает. Покурим?

— Давай.

Они остановились под фонарем, Витя достал из кармана свои сигареты, «Родопи», протянул курсанту. Закурили.

— Шикуюешь?

— Ну да, на последнюю зарплату.

— Кстати, абитуру не кормят.

— Абитуру?

— Ну, абитуриентов, поступающих вроде тебя.

На довольствие ставят только после сдачи экзаменов и медкомиссии.

— А как же быть?

— Ну, как-нибудь выкрутишься. Еще скажи спасибо, что в жилых корпусах размещают. По правилам не должны. На флоте кадров — страшная нехватка, идут навстречу, чтобы как можно больше молодежи училось.

— Ясно. А на чем здесь можно выкрутиться?

— Все — по-разному. Если из дома не сильно помогают, то вагоны на железке, как обычно. В порту еще можно подработать, там тоже всегда грузчики нужны.

— А где больше платят?

— На соли, это в рыбном порту. У нас здесь два порта: рыбный и грузовой.

— Большие?

— Большие? — Гена ухмыльнулся. — Огромнейшие! Торговый порт — тот, который грузовой, — туда же все идет из-за границы: станки, оборудование разное, и оттуда со всей страны на импорт: зерно, лес. Владивосток же закрыт. Так что все — через Находку. Работа всегда есть.

— Слушай, скажи, а какое оно, море? А то я только совсем маленький кусочек видел, да и то издалека.

— Не видел моря? Ну да, что я спрашиваю... — Он затянулся и задумался. — Ты знаешь, море сло-

вами не описать. Его видеть надо. Завтра прямо с утра направляйся, посмотри.

— Я дорогу не знаю.

— А что тут знать? Как выйдешь за ворота, так и увидишь. Тут везде море.

Ребята затушили сигареты о бордюры, курсант взял свой окурок в руку. Витя хотел было выкинуть свой в кусты, но, глянув на Геннадия, тоже зажал в кулаке.

— Ты давно здесь?

— На третий курс переведен, еще два учиться. У нас у всех на левом рукаве лычки нашиты. Сколько лычек — такой курс.

Витя присвистнул:

— А сколько тебе лет?

— Шестнадцать. Через месяц семнадцать.

— А мне уже семнадцать, через три — восемнадцать. А я еще даже на первый не поступил.

— Так ты, наверное, после десятого класса? Тебе, значит, не четыре, а три года учиться.

— Да нет, я тоже после восьмого.

— Бывает. У нас на курсе тоже парнишка есть, так ему уже двадцать. А в основном пацаны после восьмого класса поступают, им всем по пятнадцать-шестнадцать. Ну вот и пришли. Это жилая казарма.

Ребята остановились у входа в здание.

— А много народу учится?

— Прилично. Человек восемьсот. Каждый год все больше и больше набирают.

— Неужели столько моряков нужно?

— Да ты что, не хватает. Страну же поднимаем.

— Кто?

— Как — кто? Мы.

— Вы?

— Ну и ты будешь, если поступишь. Заходи давай. — Гена открыл деревянную дверь на тугой пружине и пропустил Витю вперед.

На входе стоял желтый канцелярский стол, за которым сидел такой же, как и Геннадий, курсант, в мичманке и рубашке с гюйсом, тоже с тремя лычками на левом рукаве. Увидев входящих, он спросил:

— Абитура?

— Да. В кубрик на первом? — спросил Гена.

— Подожди, дай в журнал запишу, — сказал курсант и обратился к Вите:

— Паспорт.

— Меня уже там, на проходной, записали.

— Ты сюда разговаривать приехал, что ли? — курсант нахмурился. — Документы.

Витя молча достал паспорт и передал его вахтенному. Геннадий попрощался:

— Ну, бывай, увидимся.

— Как мне тебя найти?

— Среди маслопухов, третий курс. — Он подмигнул Вите и вышел из здания.

Вахтенный записал данные Вити в журнал и указал дорогу:

— Прямо по коридору. С правой стороны увидишь в стене окно, закрытое ставнями. Постучись, тебе откроют, выдадут матрас и постельное белье. Потом, сразу за складом, — твой кубрик. Любая свободная койка — твоя. Вопросы есть?

— Нет.

— Вперед и тихо, спят все давно уже, первый час ночи.

* * *

Витя с матрасом и постельным бельем, скрученными в рулон, зашел в кубрик. Тишина нарушалась только чьим-то негромким сопением. Он стоял у порога и ждал, пока его глаза привыкнут к темноте. Сквозь высокие окна в большое помещение просачивался лунный свет, оставляя прозрачно-голубую дорожку на полу.

«Пятнадцать коек», — посчитал Витя.

Три из них были свободны. Витя тихонько снял туфли, взял их за задники и на цыпочках пошел к пустой кровати. Вдруг кто-то вскрикнул, заворочался, резко скрипнули растянутые пружины. Он сразу обернулся, задел что-то матрасом, и это что-то с металлическим звонким грохотом попадало на пол. Витя оцепенел посреди комнаты.

— Да кто там еще? — проворчал один из мальчишек, садясь на кровати.

— Да новенький опять, — пробормотал кто-то напротив и накрыл голову подушкой.

— Говорил же я тебе, убери свое барахло с прохода, — зашипели из третьего угла.

— Слушайте, замолчите все, спать охота.

В кубрике снова воцарилась тишина. Только один парень, тот, который проснулся первым, все еще не ложился. Витя продолжал стоять, боясь пошевелиться.

— Ты че там, помер, что ли? — прошептал парень.

— Нет, боюсь на что-нибудь наступить, — так же шепотом ответил Витя.

— Уже больше ничего падать не будет. Двигай сюда, здесь свободная койка.

Витя прошел на цыпочках, положил матрас на указанное место и протянул руку соседу:

— Витя.

— Вовка. Откуда?

— Из Талды-Кургана. А ты?

— Алтайский край, деревня Кирилловка. Ладно, спать давай.

— Давай.

Сосед повернулся на бок и, казалось, заснул. Витя расстелил белье, разделся и лег. Не спалось. Серебристый лунный луч падал прямо на его одеяло, расчерчивая его в ромбы. За окнами изредка раздавались крики чаек. Он заложил руки за голову.

Не верилось, что еще вчера он прощался с мамой и сестрами в Талды-Кургане, а сегодня — уже лежал в казарме Дальневосточного мореходного училища. Один сегодняшней день разделил его жизнь пополам: прошлое с родительским домом, коровами и гусями, школой и тяжелой работой, Фаридом и девушками, и новое, будущее — с дышащим черным морем, училищем, курсантами и строгими офицерами. И вот сейчас, в эту минуту, он находился в будущем. Все здесь было новое, будто ненастоящее, из другого мира. Даже цвета были другие: пожухлую, истощенную серо-желтую палитру сменила черно-сине-голубая, сильная, с холодным спокойствием и железной дисциплиной, пропитавшая

насквозь не только офицеров, но даже молоденьких курсантов.

Он вспомнил об их форме и выправке. Стрелки на брюках, отглаженные, как острие ножа, отполированные хромовые ботинки, значки «ДВМУ» с кораблями и, конечно, мичманки. Это было даже лучше, чем его мечта, лучше, чем бескозырка его деда. Дед служил простым матросом, рядовым. А курсанты носили мичманки как у настоящих офицеров. Разве исполнение мечты может быть лучше мечты? Сердце замирало, сжималось, он старался не думать, не осознавать, просто наблюдать. А что, если это всего лишь сон? Сколько таких снов он видел про море? Тысячи. Но если это сон, он ни за что щипать себя не будет, пусть этот сон длится как можно дольше.

Он вспомнил разговор с Геной, вспомнил его отточенные движения. Никакой расхлябанности, казалось, его тело стало частью корабля — быстрого строгого эсминца, не ведающего сбоев ни в двигателе, ни на капитанском мостике. А ведь всего шестнадцать лет! Младше его на год, а ума — на десять вперед. Не просто как у взрослого, а как у тех немногих мудрых взрослых, которых Витя редко встречал на своем пути, — дед Тарасов, дядя Валя, директор ШРМ. Но между ними и Витей разница была в поколение, а то и в два. Где были бывшие одноклассники Вити в их шестнадцать? Да каким он сам был, в его шестнадцать?

В словах Гены чувствовалось столько простого достоинства! Никакого самолюбования, никакой

ревности, соревнования или превосходства над новичком. А одно лишь осознание своей большой роли для СССР, их общей высокой ответственности.

«Страну же поднимаем». — «Кто?» — «Мы. И ты будешь, если поступишь».

Сердце щемило от трепета, так ему хотелось побыстрее стать таким же, как они. Курсантом. Офицером. Достойным. С далеко идущими целями, с широкими взглядами. Чтобы мыслить не понятиями его, одного, пусть даже и хорошего человека, но все же — маленького, слабого. А мыслить масштабами страны, СССР! Казалось, звезды озаряли его новые мечты, настолько светло и хорошо было у Вити на душе.

«Да, да! Я смогу! Я буду. Я сделаю. Это то самое место, правильное. Наконец-то я там, для чего я рожден. Я стану человеком. Человеком с большой буквы».

Оставалось только дотянуть на своем пайке до экзаменов, сдать их и пройти медкомиссию. Пайком он займется завтра, а в поступлении Витя даже и не сомневался. Да и по поводу еды тоже не переживал: работы он никогда не боялся.

Так что все. Наступило счастье. Полное и безоговорочное.

2

На следующий день, сразу как проснулись, Витя перезнакомился со всеми. Ребята приехали из разных городов, разных республик, из Сибири, Казахской, Киргизской, Узбекской ССР, — оттуда, где не

было моря. Большинство мечтало о кораблях с детства. Витя чувствовал, будто он оказался в родной семье, только не по крови, а по зову сердца. Правда, все были моложе Вити на два-три года — после восьмого класса. Витя тоже окончил восемь классов, но один год он потерял из-за того, что родился в октябре, а второй — из-за того, что его выгнали из школы и год не брали обратно... Нет, не так. Из-за того, что он набедокурил. Хорошо, что к своим почти восемнадцати он это исправил.

Ребята уже знали истории друг друга, поэтому засыпали Витю вопросами: кто такой, откуда, как жил до этого.

Витя поведал обо всех своих перипетиях: о том, как работал два года автослесарем в пустыне под грузовиками, где жара и духота пытались взять его на измор; про афганца — как прятались от него в огромные машины-рефрижераторы; как убивали гюрз и скорпионов; обстоятельно расписал, как он разбил два ЗИЛа, спасая тридцать бензовозов. Ребята притихли, слушали с открытыми ртами. Витя в первый раз почувствовал, что все, что он пережил, — было не зря. Только теперь, глядя назад, он был благодарен всем своим невзгодам. Иначе бы он... А каким бы он стал, если бы в его жизни не произошло этих падений, если бы получалось у него все складно да гладко? Если не умел бы выживать в пустыне, не мог бы с закрытыми глазами разбираться в ходовой грузовика, не умел бы водить машину. И точно не появились бы в нем упорство и целеустремленность, с которыми он прожил весь последний год.